

18+

Вячеслав Абрамов

ПНЕВМАТИКА СНОВ И СЛОВ

Вячеслав Абрамов

Пневматика снов и слов

«Издательские решения»

Абрамов В.

Пневматика снов и слов / В. Абрамов — «Издательские решения»,

Порой во сне мы видим то, что заставляет задуматься о том, что мы опрометчиво называем «реальностью». Во сне случаются «уходы» в переходное состояние от неживого к живому — в воду или в море. Бывают привычные человеческие состояния — встречи с разными сущностями, явление домов с разными наполнениями, потом — и городов... Но круче всего — это подъёмы «наверх». Ведь сверху видно всё...

© Абрамов В.

© Издательские решения

Содержание

Пневматика снов и слов	6
Плач от гнева и тоски учит не смотреть на себя	7
Стул, стол, книга, собака, гном и сон	8
Как не думать о себе?!	9
Это вот и есть ад?!	10
Это, быть может, и есть жизнь?!	11
Гараж, эстакада и как стать крайним	13
Я шёл и не дошёл	15
Дорога от порога и до конца времени	16
Когда хочется выпить	17
Я был там	18
Отжигаем?	20
Новейший деревенский экстрим	22
Есть облака. Нет солнца. Был город, которого нет	24
Блаженный кошмар	26
На асфальте пепел ляжет ровно	28
Блаженство предвкушения перед обломом	30
Дежурство с отделкой под руководством Самого	32
Массовое предательство	34
Оголение	36
Доверие только у собак	38
Стабилизация нестабильности	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Пневматика снов и слов

Вячеслав Абрамов

© Вячеслав Абрамов, 2026

ISBN 978-5-0070-7612-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пневматика снов и слов

Внимание: все описанные события происходили в сновидениях, и к действительности отношения не имеют. Дело в том, что иногда в снах бывают некоторые ассоциации — когда что-то наводит на то, что случается или могло случиться...

Плач от гнева и тоски учит не смотреть на себя

Чтобы видеть многое, надо научиться не смотреть на себя. Только не смотрящий на себя будет всматриваться назойливым оком в другие вещи, и увидит в вещах больше, чем только их фасад.

Кто захотел видеть основу и подоснову всех вещей, должен подниматься над самим собою, пока его голова, глаза и уши на ней не окажутся под ним.

Но не могу — подняться! Смотреть вниз на самого себя и даже на свои «сокровища» — даже это остаётся для меня недостижимой вершиной!

Я боюсь, поэтому и не поднимаюсь. Сильно опасаясь, что все мои сокровища — это пыль, сдуваемая даже слабым ветерком. Ну, ладно, если бы лёгкая пыль! Лишь бы не стали они пылью, покрывающей чьи-то романтические экскременты.

Я боюсь, потому что везде внизу вижу чёрное, печальное море. Тяжёлое, мрачное недовольство. Я чувствую его тяжёлое дыхание. Оно стонет от тяжких воспоминаний! Или от недобрых предчувствий!

Я разделяю всю печаль моря, и досажую на себя самого. Нет, если подумать — уже не досажую, я смеюсь с тоскою над самим собой. Я, полное никто, ещё собираюсь утешать море?! Да я же просто боюсь, что должен буду спуститься ниже, чем когда-либо спускался. Глубже погрузиться в страдание, до самой его черноты!

Я ещё не готов. А когда же я буду готов, если уже сейчас усталость от пути и тоска всё сильнее и сильнее?

Но я же хочу быть готов! Я временами хочу добраться до самых высоких вершин! Но... откуда берутся вершины? Они выходят из черноты моря. Из самого низкого должно вознестись самое высокое!

Откуда только берётся это желание — подниматься? Моя глупость и моя трусость поистине, достойны смеха! А смеющийся легко может заплакать. Заплакать от гнева и тоски. Гнев и тоска растворяют жалость к себе. И в плаче можно научиться не смотреть на себя. Только так и можно научиться... не смотреть на себя, а значит — увидеть, куда и зачем подниматься!

04.11.2016

Стул, стол, книга, собака, гном и сон

Я сажусь за стол, подсаживаюсь на высокий дубовый стул. И стол — массивный, большой, тоже дубовый.

Сажусь и собираюсь прочитать что-то интересное. Похожее на книгу.

И вдруг похожее на книгу становится похожим на... собаку! Собака рыжая, как лиса, а хитрая она или нет — поди-ка, разбери!

Собака увидела, что её хотели читать и залаяла. Залаяла так, как будто засмеялась.

А может, она засмеялась? Но засмеялась так, как будто залаяла.

На кого лает или над кем смеётся?

На меня разве можно лаять? Я же просто хотел прочитать!

Или смеётся надо мной, над тем, что сел почитать? А может, над тем смеётся, что О я хотел прочитать?

Она хвостом не виляет, явно не хочет отплатить почитанием и благодарностью тому, кто с нею так обошёлся.

Но я её не звал! Я взял читать книгу, откуда я знал, что это — собака?! Это как же это, это что же — книга меня обманула? Или собака такая хитрая? Недаром похожа на лису.

А как же стол и стул? Они же были, и были — дубовые!

И тут я понял: у собаки нет хвоста! Хвост у собаки не может не вырасти. Значит, он был отрезан! Бедный пёсик!

А если собака — это только книга, то хвост мог и не вырасти. И если книга — как собака, то и не должно быть хвоста! Ну и как здесь на сухую разобраться?!

Только подумал, собака заднюю ногу подняла... Сука!

Нет, не она сука. Сука — это к слову пришлось. Может, и кобель — из-за струи не видно.

И рука моя потянулась, чтобы с собакой обойтись так, как обходятся с собакой. Впрочем, и с книгой уже так часто обходятся. Только собака может укусить. А от книги этого не ждут и не опасаются.

Но тут на месте собаки появился... похоже, Гном. В шапке-колпаке. Маленький, но сука, важный. Сука — это к слову пришлось. А у него очки на маленьком носу.

Он смотрел и вёл себя как учитель. Он меня учил! Он учительским тоном, не допускающим иных мнений, говорил:

— Вот так, веря, что знаешь лучше других, становишься смелым и оставляешь многое открытым для нападения... Пока вдруг струя, которую ты пускал в лицо другим, не отбросит своих брызг на тебя самого!

И ещё сказал:

— Привычка к иронии портит характер! Она придаёт ему черту злорадного превосходства... Ты начинаешь походить на собаку, которая, умея лаять, к тому же научилась и смеяться. А собака всегда хочет кусаться, но не каждая осмеливается. А которая осмеливается, называется — сарказм.

И опять превратился в собаку, похожую на... Уже не разобрать, потому что стол... Это уже потолок.

Вот тебе сон. И, не отходя — толкование. Два в одном. Экономия времени и умственных усилий. Но не успел я так подумать, как пришло беспокойство, не дающее покою до сих пор: а ведь Гнома я где-то встречал...

30.11.2016

Как не думать о себе?!

— Меня нет... Нет. Нет мыслей о себе, нет! Я только вижу!

Я хочу увидеть город, которого нет на карте, но я знаю, что он есть. Я его один раз уже ощущал в светящемся тумане, но он мне так и не открылся. Отключиться от мыслей о себе — это «исходное положение» для начала «пути».

Несколько дней не покидает это неуёмное желание. И вот, всё же, куда-то я «пошёл».

Иду по дороге через поле, вдоль леса. И где же город? Припекает солнце, изнуряет зной. В лесу — тень, там мягкая трава. Но отдыхать некогда, мне надо спешить и идти напрямую. Почему — не знаю, только чувствую, что надо, — и я тащусь по солнцепёку.

Вспоминаю, что здесь была речка. Я её когда-то видел! С ней связаны мои детские воспоминания. Я шёл здесь с другом, и было так хорошо, что я запомнил это место. Маленькая речка, по берегам невысокие кусты, плавно и быстро текущая чистая вода.

Может там, за холмом? И я устремляюсь за холм. Во рту всё пересохло, нельзя глотнуть. Начинает накаляться и раскалываться голова. Состояние тяжёлого похмелья. А воды нигде нет!

Уже нет дороги. Трава всё реже, видна сухая растрескавшаяся земля, как засохшая глина. Не хочу уже идти! Куда идти, зачем? Зачем я вообще куда-то иду? Я не понимаю, почему и зачем я пошёл! Но я должен был идти! Кому должен? А мне кто-то должен хотя бы помочь?

Ужасное состояние. Его можно назвать изнеможение. Я падаю...

В воду! Оказывается, кругом была вода. Я не пью воду — я её впитываю, как губка!

Смотрю — везде, до самого горизонта, вода и песок. Где вода, где песок. И я вспоминаю про людей. И понимаю, что стал думать о себе, а обо всех других забыл. Не думать о себе! Я — из стада. Я не могу без стада!

Вы думаете, что я увидел тучные стада на злчных пажитях? Нет. Я увидел взрослую девочку, почти девушку, которая бежала прямо на меня. Я почему-то не отошёл в сторону, а приготовился к тому, что мы сейчас столкнёмся, прямо ударимся лбами!

Но она прошла сквозь меня! Или это я прошёл сквозь неё? Я не чувствовал, что растворился, значит, это я оказался твёрже? Я где-то видел эту девочку, но — не узнал. А куда она тогда бежала, если не ко мне?

Я оборачиваюсь — а за мной ничего нет. Вернее — есть, но там тот же, уже знакомый светящийся туман. Откуда-то я знаю, что заветный город — там. И слышу свой голос, но не из себя, а со стороны:

— Ты не можешь не думать о себе! Зачем ты держишься за себя? Посмотри, ты — одна вода!

Смотрю — вижу под собой воду, а в стороне — лёд. И понимаю, что лёд — это неспроста. Ничего хорошего не будет, если вмёрзнуть в лёд. Он задержит так, что... В общем, не добраться мне до города. И даже не увидеть! Но как не думать о себе?!

26.01.2017

Это вот и есть ад?!

Я вижу голубое, светлое небо. Такое высокое, сияющее небо бывает в утренние часы. Я как будто просто стою и мне хочется просто радоваться.

Я чувствую, что небо озаряет ясным светом всё, что будет впереди, а впереди — целая жизнь. Чувствую надежду на то, что всё будет хорошо. Какое-то чуть ли не блаженство.

Но что-то не даёт просто стоять и радоваться. Я становлюсь какой-то тяжёлый... И начинаю проваливаться, потому что земля, на которой я стоял, так меня притягивает, что ноги начинают в неё погружаться! И какой резкий контраст: ясное небо и тёмная земля, да ещё местами покрытая каким-то тёмным дымом, как будто мраком. И тяжесть, тяжесть!

Только что была невесомость и блаженство, и сразу — тяжесть, страдание, гнёт чего-то ужасного, непоправимого. Даже воздух стал удушливый, не могу дышать, чувствую бессилие. В этом бессилии ещё хочется что-то сделать, чтобы выбраться на твёрдое, хоть бы камень какой!

Но земля подо мной колеблется, она рыхлая и осыпается куда-то вниз. Сердце замирает в ужасе, и тут я понимаю, что выход есть только один — взлететь. Но как?! Я рванулся — не могу! Совсем ослабел, не взлететь — никак...

Всё, я проваливаюсь... И вижу — вокруг корни. Корни каких-то деревьев. Я даже не хватаюсь за них — я просто на них повисаю, а тонкие отростки корней меня опутывают. И я понимаю, что через корни могу просочиться наверх, но тогда это буду уже не я. Мне надо выйти из того, что есть, оставить то, что было мною!

Я чувствую... Нет, не видя, уже знаю: через дерево как через канал есть выход в какое-то пространство, в котором ничего нет, есть только мрак, а сквозь мрак пробивается яркий свет, и мрак как бы светится. Но там будет всё то, что ты захочешь. Даже всё то, что у тебя было! И ничего не будет того, чего не захочешь.

И мне нужно быстро-быстро определить, нужно ли мне всё то, что у меня было, а если мне нужно что-то другое, — то что?! Или всё прежнее, которое уже осыпалось для того только, чтобы было всё новое, — или новое? Но если новое — то что?!

И я судорожно начинаю решать, что мне надо. Надо ли мне то, что имел и что хочу иметь. А если не иметь, а просто — жить? Но хочется же что-то вернуть... Или — что-то заиметь, чего хочется? А чего хочется?

И тут с ужасом понимаю: если сразу не выбрал — всё, так и буду теперь бесконечно мучиться и выбирать, ведь время уже кончилось! Полностью кончилось — времени уже вообще нет!!!

Это ужасное состояние, это такая мука! Это что — это вот и есть ад????!!!

31.01.2017

Это, быть может, и есть жизнь?!

Кто-то зовёт меня. Оборачиваюсь — никого нет. Но остаётся ощущение, что кто-то есть. Где-то совсем рядом.

Я делаю шаг — и чувствую кроме своего движения какое-то другое. И вижу какую-то тень. Моя тень? Вроде бы моя: я приближаюсь к ней — она отходит, как тень. Но ощущение того, что вместе с тенью кроме меня кто-то ещё движется, не покидает. Этот кто-то связан с тенью, и он — невидимый, видна только тень... Но тень бывает только тогда, когда свет идёт сбоку. А когда свет идёт отовсюду, или когда света нет? Надо посмотреть, откуда свет...

Вместе с этой мыслью я почувствовал, как вибрирует почва. И я вдруг стал видеть вокруг себя вещи, которые возникали из теней. Это были какие-то заросшие деревьями горы, похожие на китайские пейзажи, здания, как будто слепленные из глины, а стены между ними — из камней.

Эти каменные стены одна за другой становились волнообразными и прозрачными, и за ними появлялись красивые пейзажи и какие-то люди. Там было столько надежд и возможностей! Люди чем-то занимались, а те, что оказывались рядом, приветливо и добро улыбались. Захотелось идти туда...

И я как-то сразу понимаю: я раньше этого не видел потому, что просто не хотел видеть!

И продолжаю понимать ещё дальше: всё, что я мог увидеть, было невидимым. И всё видимое производится невидимым, и между видимым и невидимым есть полная противоположность: видимое не может ни видеть, ни понять невидимого. А невидимое не понимает видимого, потому что и для невидимого видимого не существует!

Но для себя не могу сделать никакого вывода! Ведь я же что-то вижу! Что это?

Только я про это стал думать, как... Ну да, всё мною увиденное становилось волнообразным и прозрачным. Но не исчезало совсем, а оставалось в памяти, в образах, осознавалось — как существующее!

Стоило мне решить: оно не существует — и всё становилось темнотой. И как только я вызывал образ — опять всё вырывалось на свет, производя какой-то шум, суету и ощущалось как ветер. Что за игры? Чьи игры — разума? Если не разума, то...

Только про это стал думать: а не я ли такой великий, что управляю миром? — как всё стало переплетаться между собою, все холмы и горы, города и поля входили одни в другие. Потом они стали то скрываться, то появляться опять. Это было раздражающее глаза мигание, и непонимание умом, которое хотелось во что бы то ни стало остановить!

Появлялись какие-то стеклянные блюда, исписанные формулами, вроде бы химическими, а в блюдах — непонятные предметы, вроде бы буквы, или знаки. Я могу что-то взять? Но если бы я знал, что это и зачем... Я не знаю — и не беру...

И всё это не только раздражало глаза и ум, это дёргало нервы — напрямую!

И я почувствовал, что мои нервы — как тонкие ниточки, вплетающиеся в вибрирующие пучки нервов, похожие на токи-потoki чего-то магнетического... Притягиваются, к чему-то тянутся и притягиваются. От чего-то отталкиваются. Может, это и не нервы, но всё это так чувствительно... Слёзы сами каплют.

И видимо это, или невидимо — никакого значения не имеет. Если есть вера и доверие, рождается симпатия. А может любовь? Ведь даже если не видишь — ты чувствуешь и это переживаешь.

Если нет веры и любви — это пустота.

И тут... Нет, не понял, а как будто кто-то мне сказал, что это потоки одного течения — течения всего, что есть... Все эти то ли живые, то ли наполненные энергией потоки переходят из темноты на свет... Их протяжение — непрерывно.

Именно — протяжение, а не движение. Куда протяжение? Наверное туда, куда и притяжение — где нет пустоты...

Если они, эти потоки, живые — то это, быть может, и есть жизнь?!

07.02.2017

Гараж, эстакада и как стать крайним

Года три уж минуло, как я продал гараж. Нормально так продал, за хорошую цену. Гараж был в козырном месте, недалеко от автомойки с шиномонтажкой, которую держал Рыжий. Ему-то и продал.

Перед этим полгода клеил по всему гаражному блоку и прилегающим улицам объявления. Звонили часто, редко приходили посмотреть, а вот покупатель никак не появлялся. И тут Рыжему понадобилось помещение под склад, а места возле автомойки уже не оставалось. Он стал интересоваться соседними гаражами и ему притащили моё объявление.

Рыжий был известной личностью. Известной не только как руководитель автосервиса на неширокой, но бойкой улице, за поворотом переходящей в шоссе. Про него рассказывали, что он разбил подряд две дорогуших машины, которые приобретала его мамочка. Рыжий её возил днём по делам, а ночами катал девок. Первый раз разнёс только машину, а второй раз — машину вместе с подружкой. За что лишился водительских прав. Мама и поручила ему руководить автомойкой, которых у неё было несколько. И ещё был магазин автозапчастей.

Говорили, что его мамочке этот бизнес достался от мужа, этот муж был «при делах», за которые его грохнули ещё в «девяностых». Был ли это отец Рыжего, я не знаю, не интересовался, а сам он не говорил. Но мамочку свою он очень уважал и последнее время вёл себя в меру солидно. После того, как мамочка не раз вытаскивала его не только из цепких лап закона и блюющих его правоохранителей, но и из-под пресса более «конкретных» ребят, не уважающих долги.

Так вот, звонит мне Рыжий и начинает очень серьёзно укорять за то, что я поступаю не по-пацански. Гараж вот ему продал, а теперь к нему нельзя проехать.

Я ему говорю, что давно там не живу и ни к каким местным делам отношения не имею.

А он мне: ну ты ж начальник, ты ж наверное знал, что так будет, и поэтому гаражик свой быстро спихнул.

А я ему: что знал-то? Что будет? С чего ты тут на меня бочку-то катишь, вообще не понимаю!

Тогда Рыжий поведал, что въезд-выезд из гаражей со стороны улицы перекрыли забором, а оставили только со стороны лесопарка с озером. А чтобы, значит, не наносить ущерба окружающей природе, от шоссе до блока гаражей соорудили эстакаду. Соорудить-то соорудили, а только через месяц эстакада развалилась и по ней нельзя проехать. И никто ничего. Даже не помнят, кто строил. Работали таджики, а договаривались с армянами, те тоже — вообще не местные.

Спрашиваю его: я-то тут при чём? Я тебе гараж продал с парадным подъездом и выездом, а начальник я совсем в другом месте был. Вас там развели как зябликов, а мне что, ответ держать? Не хрен тут предъявлять, да ещё кивать на понятия, понимаешь!

Ну ладно, — Рыжий говорит, — а ты хоть помоги! Надо, мол, проверить, как это так строили, что всё развалилось, и нигде теперь не проехать? Надо же разобраться. Мужики-то все страдают.

Так бы сразу и сказал. Мужики страдают — это святое. Я же многих там знал, и немало с некоторыми из них выпил. Даже когда не сам бутылку брал. Только, говорю, транспорта у меня сейчас нету. Персональную тачку отобрали, а самому рулить уже лень.

А Рыжий: да я тебя сам возить буду! И поляну накрою, да вот хоть — в шашлычной у Исуба!

Я интересуюсь, как же он меня возить будет, если у него права отобрали, ведь разговоры были, что насовсем?

Нет, оказывается, не насовсем. Получил права, катается. Опасно, конечно, с ним ездить, но чего ж теперь? Опять же, у Исуба когда я так вот запросто побываю? Там уже за месяц вперёд, наверное, места надо бронировать.

И мы с Рыжим поехали. Съезжаем с шоссе, смотрю: разве ж это эстакада?! Какая-то насыпь, и как будто плугом перепахана, полосами. Для чего? Чтобы не ездили? Хорошо, что у Рыжего теперь внедорожник. Прыгаем по полосам.

Выезжаем наверх, на площадку. А на ней — с десяток пустых автомобильных прицепов. Чего они тут стоят?

— А с прицепами дальше нельзя.

— А без прицепов можно?

— Можно, только не всякая машина проедет, эстакада совсем узкая. Вот «Лексус» уже не войдёт.

— А почему прицепы пустые?

— А кто ж их загруженными оставит?

И то верно.

Мы оставляем машину и спускаемся с дамбы. Оттуда открывается сногшибательная картина. Над деревьями вдаль уходит... Ну да, эстакада. Похожая на китайскую стену. Но только отдалённо. Со стороны города стена выложена камнем. Но камень уже обваливается, а под ним... брёвна. Охренеть!

На лужайке стоит несколько мужичков в белых строительных касках. Вроде бы они ждут проверку, а проверяющий — это же я! Больше никого поблизости и нет.

И говорят: сейчас надо думать не о том, как наказать тех, кто это построил, а над тем, как исправить недопустимое положение, при котором люди не могут проехать. Понятно, что и вопрос о том, кто допустил такое недопустимое положение, тоже снимается, как уже несущественный.

Если сломать, то ничего уже не построишь — деньги из бюджета выплачены, больше никакие затраты бюджетом не предусмотрены. Вот есть одно решение, давайте заслушаем специалиста, внёсшего предложение.

Специалист, оказывается, уже успел заранее рассчитать все нагрузки и определил, что отремонтировать сооружение обычными средствами, навряд ли бетонирования, никак нельзя: не выдержит и рухнет. Но есть одно ноу-хау. Нужно сделать дорожное покрытие из прочной плёнки, подобно натяжному потолку. Только это будет не потолок, а наоборот — пол. Плёнка по новой технологии будет держать хоть танк!

Позвольте-позвольте, какой тут танк, если вон наш «Лексус» между бортами не вписывается? — это звучит моим голосом критика проекта. На меня все начинают смотреть. И потом... расходятся. Остаюсь я один. И даже Рыжего уже нигде не видно. И я понимаю: меня оставили. Оставили крайним.

Проснулся — лежу на краю своей широкой кровати. Для меня очень широкой, а вот «Лексус» в неё не впишется...

03.02.2017

Я шёл и не дошёл

Иду я по голой, сырой и чёрной земле, грязь липнет на ботинки. И вокруг какая-то хмарь. А в голове — хрень. Думаю: ...ять, где же дорога?! Что за поле? И куда, зачем и с какого... такого я иду?!

Я не понимаю. Как-то всё совсем безнадежно.

И тут слева — растут красные цветы. Вижу, что это маки. Быстро так растут! И начинают ко мне тянуться.

Ёпрст, это уже не маки — это губы! Губы на маковых мордах, а морды становятся вполне так симпатичными женскими лицами. А зачем ко мне они тянутся? Мне не надо столько много!

Не хочу с ними целоваться — брезгую. Или предрассудок у меня такой — чего без любви целоваться?!

Смотрю, как бы выбрать по фигуре. Для любви что ли — по фигуре?! Ну, вроде для неё, любви. Любовь-то тоже должна — видимость иметь!

А фигур-то не видно, блестят какие-то платья по последней моде...

По какой такой последней, когда платья сейчас не в моде? Сейчас всё в обтяжку, всё!

А вот платья я, жизнь прожил, а никогда вот не задира! Задрать, что ли?

Ну, или глаза бы хоть посмотреть, глаза бывают красивые — и про фигуру не вспомнишь. А глаз тоже не вижу, они все не на меня смотрят. Они уже смотрят на других. Хотя никого рядом вроде и нет, но я знаю — есть.

Может, кого-нибудь в щёчку? Хочу к щеке прикоснуться губами... А там будь что будет... Хотя не люблю, но поцелую.

Чего-то меня качает... Я же не пил! Нет, это не меня качает, это они все — пьяные. А я какую-то пьяную обнимаю, и от неё меня качает. А когда я её обнимаю — вспоминаю, что грязь кругом. Ни травки, ни досочки. Падать в грязь я не хочу...

Нет, я бы... Что-то во мне хочет куда-то определиться. Но пьяные... В грязь... И напряжённость растёт, но очень я сомневаюсь.

И тут смотрю, и опупеваю: все эти, б-бывшие цветочки селфи делают! И родственникам с друзьями раздают. Уже где-то их скабрезно смотрят.

А меня знать никто не хочет. А я тем более никого из этих смотрящих знать не хочу! Как подумал, что и мне надо будет кого-то узнавать, со всеми знакомиться и всех их угощать, — так тоскливо стало... Лучше я буду один, лучше я стану пьяный, но никогда не придётся вспоминать, то ли я пошёл, и не дошёл, или это жизнь куда-то ушла...

02.03.2017

Дорога от порога и до конца времени

У дома есть порог — высокие белые ступени. Что делают на пороге? Ждут? Ну, и я вроде бы стою и жду. Просто жду и ни о чём не думаю. Мне нравится стоять на пороге.

Пахнет дымом, дым — из трубы, по запаху не перепутаешь с другим дымом. А чего это дым опускается? Я уже стою в дыму и не вижу, на чём стою. А в стороне — дом без окон и дверей, как огромная кирпичная труба.

Как бы вот мне достоять... Но вижу, что падаю. И не боюсь падать. Но как-то не так падаю, или не туда падаю? Падаю... прямо в небо. А небо не голубое, а серое — серая облачная хмарь, как при осеннем дожде, от которого всё темнеет и мокреет.

Падать — не подниматься, никаких сил тратить не надо. И не надо никаких крыльев, никаких воздушных шаров.

У тех, кто падает в воду, в глазах будет вода. Это я знаю и могу об этом сказать, и многие мне поверят.

Значит, у тех, кто падает в небо, в глазах будет небо. Тому, что небо может попасть в глаза, ещё поверят. А про то, что можно упасть в небо, поверит только тот, кто падал.

Падаешь свысока на землю — становишься падалью. А когда падаешь в небо — ты только падаешь.

Дождь — это только слой хмари и брызги. Брызги лучше, чем пыль, но они превращают пыль в грязь. Когда брызги падают в пыль, то пахнет пылью до тех пор, пока она не станет грязью. Пылью пахнет всё ветхое, благостное и залежавшееся на чердаке.

Кто увидит, как дождь превращается в свет? За дождём в небе лежит прозрачная синева и всё ясней. Становится ясно, что ничего не надо ждать. Всё, уже — не надо! Времени нет, значит, мы больше ничего не ждём. Что было, то было. Что должно было быть — уже есть. Что можно было сделать — уже сделано.

А что не сделано — и на хрен никому не нужно. Потому что нет сделанного, чего уже не сделал бы кто-то другой. И времени делать нет.

10.03.2017

Когда хочется выпить

Сырость и непролазная грязь, но небо не хмурится. Даже местами прорехами светлеет. Значит, весна. Может, потому что весна, я в туфельках. А грязь — по щиколотку.

И с чего это меня угораздило куда-то тащиться, через поля и луга? А вот с чего: захотелось пожить в деревне. Подальше от дурдома, который называется городом.

Однако, путь в деревню я как-то не продумал. Привыкнув к грязи вокруг, забываешь о грязи под ногами.

Так это не большая преграда! Грязь ногами месить — это не грязью дышать. Что снаружи, можно отмыть. А что заглотил — придётся перерабатывать. Потом ещё очищаться.

Значит, непролазность не сильно расстроила. Расстроило то, что в деревне как-то не так, как надо. Глинобитные мазанки, — натурально хаты. Соломенные крыши. Плетень. Это же прошлый век?!

Млях... Из труб нету дыма! А селяне где? Где, где — в поле? Так ведь непролазно кругом, как в болоте!

Ну, тогда, наверно — в клубе. Или в библиотеке. И это не шутейно, это серьёзное раздумье. Это же вам не город. Про церковь не вспомнил — нигде не видать ни маковки, ни креста. Вот — магазин. Так на вывеске и написано: «МАГАЗИН». Но на двери — замок. На окнах — ставни.

Запустение какое-то! Безжизненность! Великая глушь! Ни гусей тебе, ни курей. Собаки не брешут.

Но с другой стороны — беззаботность! Но беззаботность такая, что как-то потянуло к заботе.

Ага, вот мужик в брезентовом плаще стоит. С кнутищем. Наверное, пастух. Был бы сторож — имел бы берданку. А где его стадо? Похоже, что стада нет. Стоит и не знает, что делать.

Спросить, что ли? Вопросов много, но он-то — знает ответы? А вокруг — такая тишина! Аж уши закладывает. Не хочется нарушать, тем более что я не знаю ни его имени, ни отчества. И он на меня не смотрит, как будто меня нет.

Но что-то в нём есть! Как раз то, из-за чего хочется выпить. Но по всему видно, что выпить нечего. Я же с собой ничего не взял. В деревне же всегда было — самогон. Солёный огурец. Капуста из кадки. Сало с яйцом.

А что в нём есть? Может, всё проще — он есть, а меня там нет?

Охренеть можно от этой мистики, когда хочется выпить, а не с кем, и нечего.

21.03.2017

Я был там

Я был там. Я помню, как мне было хорошо — никакого беспокойства и никаких сомнений в том, что так хорошо будет всегда.

Но почему я тогда вернулся, зачем?! Не могу понять!

Значит, я вернулся не сам. Меня вернули. Но кому я здесь нужен? Значит, кому-то зачем-то нужен.

Или потому, что мне слишком хорошо было там? Да, было до невозможности хорошо! Никакой тяжести, был даже не полёт, а — парение. Этот спокойный, всё пронизывающий свет! Везде красиво и отрадно. Ровное, очень внятное объяснение того, что происходит и зачем происходит...

Но что-то не даёт радоваться и обо всём забыть. Как же те, кто остался?! Ты думаешь, тебя избрали для того, чтобы только тебе было хорошо?! А всё, что с тобой раньше на земле было — пропади пропадом?!

Нет! Только вспомнишь, как он кричит, он отдаёт во мне болью, наш мир! Я вспоминаю всё и не избавлюсь от боли, пока каждому, кто присутствует во мне, не подам руку с уверенностью, что сделал всё, что мог. Иначе мне не будет покоя.

Пока я нежился в наслаждении, уже был готов отдать своё Я. Оно мне стало не нужно, неинтересно, оно стало мешаться, оно притягивало меня к земле. Моё Я стало ответственностью, которую на себя взвалил, а совесть не позволяла сбросить. Как быстро из самого главного моё Я стало мне обременением!

Ведь только что я думал, что это самое страшное — оставить своё Я. Но это же будет совсем не страшно, если всегда будет такое парение и наслаждение.

И тут я вдруг понял, что не всегда. И стал падать вниз, в пропасть. Появилось притяжение. Там земля. И вместе со мной летят какие-то камни. Они меня если не прибьют, то придавят так, что уже будет ни вздохнуть, ни пёрнуть. Это тебе за то, что воспарил!

Но я не падаю, а скатываюсь по склону, и вот передо мной появляется гора, внутри которой — расселина. Другого пути нет, и я вхожу в неё. Темно, но где-то впереди — свет. Знаю, что мне надо к свету, но как только двигаюсь, появляется предчувствие, что кто-то сейчас загородит дорогу. Чтобы успеть выскочить, спешу и пытаюсь бежать, но не могу — не от чего отталкиваться! И кто-то уже бежит навстречу, кто — не видно, но я знаю, что он будет мне препятствовать.

Я готов бороться, ведь мне надо вырваться, несмотря ни на что. А с кем бороться? Кто-то будет со мной бороться, но я его не вижу. И это пугает.

А через какой-то момент понимаю: пуганный ты или нет, а столкновение неизбежно. И сразу же, в один момент с этим уже знаю: всё происходит — внутри меня. Один во мне, который рвётся к выходу — это мысли о ближних. Другой — это мои мысли о себе. Они должны столкнуться.

От удара теряю опору и падаю, но в возбуждении тут же вскакиваю. Какой-то крик, а кто кричит? Если я, то почему не ощущаю, не слышу, что это я?

— Ты пройдешь!

А кто это — ты? Тот я, что был, или тот, другой?

Снова открывается свет впереди. Я иду к свету. Уже близко выход из расселины. Вот он — свет!

Но свет сменяется темнотой. Не сплошной тьмой, а завесами, — сначала одна, за ней — другая. В этих завесах я путаюсь и ничего не могу, ни двигаться, ни думать. Как будто получил удар и ушёл в нокдаун.

— Всё, я ничего больше сделать не могу! Недолго мучилась старушка...

И только тут я откуда-то понимаю, что мне надо было отдать своё Я, ничего не требуя взамен. Тогда бы не было никакого сопротивления, никакой борьбы с самим собой, но другим!

— Главное — ни мысли о себе. Не переставать думать об этом! Не переставать...

Я больше не чувствую, что «выключен» и невменяем. Но вокруг — темнота. А состояние — нескончаемая, вселенская жуть!

Я протягиваю руку, а рука проходит через совсем тонкую преграду. Это была бутафория! Жути-то было сколько, а это всё — бутафория?! Меня что, разыгрывали? И ведь разыграли...

Теперь вижу, что горы взаправду какие-то ненастоящие, как будто из папье-маше. Всего лишь грандиозные декорации.

Но жуть-то была настоящая! Всё внутри дыбарём встало, и насквозь со свистом всю важность вместе с мозгами вынесло!

И тут я чувствую, что не один. Мы вместе! Мы вместе идём. Но кто это — мы? Куда идём?

А шустро так идём. Порываемся бежать, но почему-то себя сдерживаем. Может потому, чтобы все были вместе и не отставали? Ведь оглядываться нельзя! Не бежать и не оглядываться, смотреть только вперёд!

И мы идём целенаправленно и озабоченно. И главное — осмысленно, знаем куда! Лица становятся радостные!

И раскроются глаза людей,

И увидят они, что «были, как во сне».

И захотят жить по закону Любви.

— Видишь, всё, как ты хотел. Пришли люди. Вы все вместе. Они радостны и свободны. И им хорошо с тобой, а тебе — с ними.

Я этого хотел? Ну да, только этого и хотел...

Только куда пришли? Я этого ведь так и не увидел! Это там или не там? Или просто этого места я не узнал?! Увы, память работает только на узнавании.

02.05.2017

Отжигаем?

Почему меня так заботят именно эти два дома? Большие два дома из тех, которые с затейливой архитектурой особо монументально строили в послевоенные годы.

Никогда в таких домах не жил. А теперь выходит, что в одном из них живу. И не просто живу, а очень сильно, даже очень мучительно беспокоюсь, как дальше жить.

Чего ж меня беспокоит? Не знаю. Но что-то надвигается. Опасное и при этом невидимое. То, что неумолимо действует на всех, подобно радиации.

И появляется очкарик! Классический образ молодого учёного. Скорее всего, не сам появляется, а кто-то его позвал. Может и я позвал, потому что я его очень хорошо знаю и даже ему доверяю. Мало того, я его как-то давно чему-то учил. Но ничему спасительному не научил, и сам не научился. А вот он — сам научился! И именно поэтому к нему есть доверие.

Но доверие — доверием, а как-то боязно. У него разработка не принята госкомиссией. Разрабатывал он как раз тему, как накапливающуюся негативную энергию убирать. Сотворил опытную установку, которая такую энергию будет отжигать. Но учёная комиссия сказала, что никакой негативной энергии нет, у нас — везде только позитив и думать надо только так, и никак иначе.

И без разрешения, в стоворе с двумя-тремя подобными мне чересчур чувствительными личностями, мы устанавливаем на крыше одного дома три отжигательные конфорки. И в наступившей ночи над крышей вспыхивают три факела. Но они не похожи на яркие и пляшущие факелы над газовыми скважинами. Горят они каким-то неживым, мертвенно-багряным пламенем. Закат, который к ветру, и тот поярче, да и красочнее будет.

И тем не менее, я сильно опасаюсь, как бы дом не сгорел. Явление же — недоисследованное. Займётся вся крыша, да ещё, Боже упаси, синим пламенем!

Но потом убеждаюсь, что опасения беспочвенны. Огонь не перебрасывается, и даже стоймя стоит. И дыма нет!

И так как бы горело всю ночь. А как начало светать, очкарик говорит:

— Всё, процесс отжига завершён! Можно перекрывать. Только — я сам, присутствие посторонних нежелательно.

А что перекрывать, если всё уже отожгли?

Хотел спросить, а его уже нет, ушёл перекрывать. Не забыть бы! Всё же надо будет уточнить, чтобы сомнения не мучили.

Ага, вон — меня зовёт на крышу. Вылезаю — ничего уже не горит. А на месте одной из конфорок стоит широким концом кверху раструб, наспех и неказисто сделанный вроде как из папье-маше. Успел ведь — и погасить, и установить! Всё загодя слепил!

Из этого раструба исходит светлый туман, как из воздухоувлажнителя. И раздувается ветром на клочки, которые летят туда-сюда, и на меня тоже.

А не вредный ли это туман? Или заразный?! Я же не знаю, что это за туман. Очень неприятно вдохнуть то, состава чего не знаешь, даже если это выглядит всего лишь туманом! Это же исходит изнутри дома, в котором вроде бы и люди живут, но тоже неизвестного состава, физического и психического состояния!

Такая неприятность приводит к отчуждению, и оно во мне растёт! А это же, получается, негатив!

А куда это очкарик подевался? Я же хотел спросить, что и зачем перекрывать, если всё уже отожгли?

А что тут спрашивать, и самому можно бы было сообразить: перекрывать, чтобы дальше накапливалось то, что придётся потом отжигать. Интересно, а приходила ли кому мысль — не перекрывать? Вот мне пришла. А дальше что?

Я ощущаю только два дома, и всё. Но ведь везде накапливают! А кто отжигает?
11.05.2017

Новейший деревенский экстрим

Деревня! Слово-то какое! Для кого — возвышающее многие чувства и ощущения, для кого — уничижительное. Но об отношении к чему-то не сто'ит спорить. Так же, как и о вкусах. Мы же все — индивидуумы.

Но при любом отношении, вблизи НАШИХ деревень природа торжествует в необузданных фантазиях растительности с её зеленью, цветастостью и запахами. С запахами — сначала травы с цветами, а потом всего остального дивно пахнущего. И звуки особые! Один только звон мух или писк комарика чего стоят!

А если ещё лес стоит стеной? Сколько в нём пения птиц и мягкой прохлады с духом прелых листьев!

Так бы вот обхватил всё это и рассматривал! И вдыхал бы!

Я приехал в деревню вместе с другом к его, друга, родственникам. Для того и приехал, чтобы деревней повосторгаться, повздыхать. И в баньке попариться, самогончика хряпнуть, и в очередной раз оставить после всего этого самые восторженные воспоминания.

Идём мы мимо лесной опушки к деревенским домам и хатам. Предвкушая лёгкий запах дымка из трубы, дровяной дух баньки с жаркой парилкой, после которой — ушат ледяной воды на голову. Потом маячит под носом миска крошки со сметаной и стопарик под солёный огурец! А потом — как пойдёт!

И тут неожиданно появляется амбар, обшитый пластиковыми панелями бэушного вида и неприглядного состояния. Забор из толстых жердей в два ряда огородил какой-то загон, а там — везде только грязь. И вокруг стоит народ, чего-то ждёт. Это городские понаехали на машинах. Что ж их так привлекло?

Из амбара выбегает чудище. Или монстр, похожий на быка-Минотавра, каким его изображают на картинках. Никто не знает, каким был тот ещё Минотавр, но картинки имеются. А ещё он похож на чудовище из сказки «Аленький цветочек», напрочь переименованной диснеевскими продюс-сёрами в «Красавицу и чудовище».

Здоровенный — до жути, но весь какой-то... из грязи. А грязь похожа на голубую глину. Морда у него то ли бычачья, то ли львиная. Какой-то симбиоз со скрещиванием.

Потом в загоне появляется человек. И ждёт, когда этот Минотавр к нему подбежит. Это кто? Это как? Сакральная жертва? У Минотавра был лабиринт, а тут — всё на виду. Страх-то какой!

Чудище несётся к жертве, из ноздрей — пар. И одним махом человека проглатывает, только ноги в воздухе мелькнули. Видно по вздутию шеи, а потом и брюха, как человек в него проходит, а потом в животе переворачивается. Очень эластичное у Минотавра брюхо. Несчастный в нём ещё несколько раз проворачивается и... выплёвывается! Вскикивает на ноги и радуется, а сам — весь в грязи, целиком обмазан такой же глиной. Если это глина, а не чудовищное говно... Городская тусовка — с воплями ликует!

— Что за хрень такая?! — такой вопрос возникает у нас, полностью от увиденного охреневших.

И сразу же рядом оказывается мужичок, который охотно объясняет, что это — такое экстремальное шоу. Такого ещё нигде нет, это исключительно местное ноу-хау. Одни платят за то, чтобы их проглотили и выблевали, а другие — за возможность поглазеть, обрызгаться грязью и сфоткаться. И не только с грязью, потому как случаются с некоторыми неконтролируемые физиологические испражнения. Но все довольны, ведь можно делать крутячное селфи! Выдумщики и организаторы этого шоу бабки гребут лопатой. Сначала у них был мелковатый бычара, который только немного бодался и в грязи валял, а теперь вона какого монстра заказали! Биоробот новейшей технологии, мать его наука!

Охочий до комментариев мужичок очень похож на персонажа Золотухина из фильма «Участок» — деда Хали-Гали. Хочу его о расценках на сей экстрим спросить — а на его месте уже стоит мой дальний родственник, который деревенским жителем и сельским тружеником никогда и не был. Но участок у него был, — садово-огородный участок. Он на нём в перерывах между запоями очень усердно трудился.

— Ну что, — говорит, — и тебя сюда принесло?! Вишь что удумали, пидоры гнойные? Чего было не придумывали, чтобы идиоты почувствовали себя крутыми, а теперь, вишь ты, стало модно за бабки не тока в грязь сесть, но и стать грязью поглощёнными и потом отторгнутыми!

Такой философской глубины я от него не ожидал. И оттого не по-философски просто спросил:

— А ты что тут делаешь?

А он:

— Картошку вот снова стал сажать! То, что в магазине, жрать стало нельзя, — одна отравка из удобрений!

Пошли, — говорит, — я тебе своё поле покажу. Я его только в этот год взял, тут земли дают — сколько хочешь. Все стали на другой стезе трудиться — кто для шоу грязь месить, кто грязью монстра мазать, а кто — в банях. Истопниками, мойщиками или блюдами.

И мы пошли. Через бурьян и лебеду поднялись на пригорок, а там — приличное такое поле, огороженное перекладинами в один ряд.

— Как же ты справляешься-то? Или кто помогает?

— Помогаем тут... Друг другу. Друзья, понимаешь...

— А хранить будешь где? У тебя же гараж был с маленькой ямой, туда мешков двадцать только и засунешь. Не больше.

— Дык я же ещё продавать буду! Хочешь — приезжай, бери!

Ну да, — думаю, — надо на натуральные продукты переходить. И тут вижу — по полю идёт Сашок, который в одно время был гранатомётчик. И, ясное дело, гранатомёт у него за спиной. Он не только Минотавра грязного может завалить, ему и танк раздолбать — раз сплюнуть.

Та-ак, — думаю, — вот уже и глюки пошли. Пора просыпаться.

Теперь вот не могу решить: толковать этот сон или не толковать? А если взяться толковать — толк-то будет?

13.05.2017

Есть облака. Нет солнца. Был город, которого нет

Я вижу этот город, я знаю этот город. Нет, конечно, я могу знать лишь то, что видел и сам пережил. Я не был во всех дворах и подворотнях, но я в этом городе живу. Ну и верю некоторым, кто рассказывает, чего он увидел и пережил.

Если я не знаю город, то хотя бы понимаю, каково в нём жить. Как понимаю, так и живу — то таково, то каково. Но я хочу, чтобы этот город был другим!

Что я хочу — это кроме меня никого не интересует. И, тем более, не волнует. Вот это я точно знаю.

Над городом плывут облака. Облаков над этим городом больше, чем над любым другим городом. Но не в этом причина того, что я хочу. Этот город должен стать другим, ведь по-другому его просто не станет.

Потому что вся причина в другом, — война. Война без особых причин. Когда об этом в своей песне спел Витя Цой, я ещё этого не видел, не знал и не понимал. И ничего не хотел другого окромя того, что было. Пока не поучаствовал. Пока не пережил, а вообще-то мог и отжить. И только тогда припомнил и осознал то, что Витя давно уже спел.

Начал думать. Не помогло. Теперь вот думаю, что тогда это и вошло — в душу.

И недавно как-то вдруг вижу, что поднимаюсь. Поднимаюсь, чтобы было виднее. Но смотрю почему-то вниз, как будто внизу можно увидеть другое.

А сверху — облака. Я-то поднимусь, а они мне всё внизу закроют.

Но — поднимаюсь, и облака тоже поднимаются! Мне что — с ними соревноваться? Всё выше, и выше и выше-е-е... Теперь мне и вниз некогда смотреть. Но что-то туда, вниз, тянет, не даёт подниматься быстрее.

И хорошо, что вовремя увидел: надо мной облака расступаются, между ними появились просветы. Обрадовался, рванулся — и приподнялся над облачным краем. И обомлел. Там, на кучерявом облаке — город, другой город! Белый весь такой и красивый, дома поднимаются каскадами. Белые стены, только углы и уступы тенью выделяются, а окна темнеют.

Понимаю, что это город, но улиц не вижу, там, где они должны бы были быть, клубится облако. И людей не вижу. Не гуляют. Наверное, негде. Никто никуда не бежит, никто не высывается.

По полётам на самолёте я помню, что сквозь облако можно провалиться, оно — всего лишь густой пар. Значит, это облако, на котором стоит город, необычное. Если на нём что-то устанавливаешь, ну или строишь, — оно твёрдое. А если ничего не делаешь — пар, а то и пустота. Никто мне про это не говорил, но я откуда-то это знаю.

И ещё я понимаю, что теперь вниз не смогу спуститься. Могу только упасть. А там, на земле, чего только не делай — только твёрдость. Нет ни единого шанса спасения.

Ищу людей, чтобы спросить: может, всё-таки, лифт какой есть? Или средство для перелётов?

На площадке с террасой на крыше ближайшего дома вижу силуэт. Приближаюсь. Вне всякого сомнения, — женщина. Похожа на куклу, которой накрывают чайник. Были когда-то такие куклы с ватной юбкой, с ними чай не так быстро остывал и лучше заваривался. Она качает головой из стороны в сторону и чего-то там нараспев говорит, и ничего не понятно. Но и без того чувствуется, что она добрая. Что ничего от тебя не хочет, а как бы сама что-то предлагает. Знать бы, что.

Здесь не с кем воевать, не хочется ни с кем спорить. И не надо никуда спешить. Я как-то странно подвис, как на столбе: ни вниз нельзя, ни вверх уже не тянет. Всё на уровне.

А, ты же очень хотел — чтобы где-то стало по-другому? Вот, — получи! Здесь чисто, хорошо, возвышенно. Но как и чем здесь жить? Как-то никак и нечем... Или просто сначала

непривычно? В другом месте так всегда. А дома здесь — для того, чтобы жить, или — одна видимость?

У кого спросить ответ? Не у кого. Бабы для сохранения тепла уже нигде не видно. Да и язык тут, похоже, отличается, друг друга не поймём.

Чувствую состояние... Состояние какое? Никакое. Нет желаний. Ничего не хочется. И уж точно назад не хочется. Как только подумал: а может, назад? — так увидел внизу тёмную землю, а на ней — вспышки, дым и чад жареного мяса. Если бы не росли на земле трава и цветы, а из туч не проливались дожди, то давно бы она покрылась засохшей кровью и сажей.

Дома заоблачного белого города пропали в белом тумане, потом и туман стал светло-серым. А я продолжал тупо висеть. Почему так? Зачем я поднялся? С чего восхитился?

Я не ожидал, что получу ответ. Не ожидал, но услышал. Услышал не речь и не голос, а сам ответ. Я не видел солнца! Действительно, как я сразу не заметил: было светло, но солнца — не было! Всё ровно и никакой яркости. Беленький чистенький город с бабой-куклой-грелкой — это надстройка. У каждого свой город на своём облаке. Над одним слоем облаков — ещё другие слои облаков. Можешь выстроить и на них надстройки. Но к солнцу-то — не прорваться!

31.08.2017

Блаженный кошмар

Я нахожусь в огромном и просторном доме. Большие и просторные комнаты и вестибюли, высоченные потолки, множество окон и прочих застеклённых конструкций. Похоже на какой-то офисный центр. Слишком много места даже для шикарных апартаментов, да и мебель — скорее офисная, совершенно без роскоши или изысков.

В этом доме много людей, и мне откуда-то достоверно известно, что они не просто так здесь находятся, они здесь живут. А я откуда-то недавно появился, и теперь так выходит, что тоже тут живу. Я их всех уже знаю, но не имею представления, кто они. Люди — и всё. А кто кому кем приходится, где и кем работает, прочие детали и подробности меня не интересуют. И они меня ни о чём не спрашивали, но что-то обо мне знают.

Здесь все друг к другу хорошо относятся. Спокойно, без претензий. Все, кто мне попадает, меня привечают, и всё так по-доброму, и запросто. Даже слишком. Ну и я к ним хорошо и с доверием отношусь.

Но при всём таком плотном доброжелательном окружении в душе я очень одинок. Родственники и старые друзья почему-то в другом месте. То ли я сам уехал, то ли меня сюда отправили — мне неизвестно, и нет сожалений, нет обид ни на кого. Как теперь всё есть, так и есть.

И ещё что удивительно: я не ощущаю, как я двигаюсь. То ли хожу, то ли по-другому перемещаюсь? И тела своего как-то не замечаю, и никак его не контролирую. И потребности в этом не чувствую.

Да и вообще — только плыву по течению. Сам ничего не хочу, ничего не добиваюсь. Зачем? Всё ведь хорошо.

Появилась поблизости и примелькалась симпатичная такая молодая женщина. И вроде бы мне она понравилась. И она ко мне — и по-простому, и со всем уважением. Я это понимаю и чувствую, но вот лица её почему-то не вижу. И не помню. И как звать не знаю, там никто никого по имени не называет. Да и общение всё больше не на словах, а по привычным процедурам, ставшим традицией. И можно обходиться без слов, всё понятно, когда и что делать, что будет. Не надо прикидывать, кто что думает, когда все думают хорошо и о хорошем.

И вот мы с моей симпатией остаёмся вдвоём. Где-то уединяемся, хотя там — всё открыто, и спрятаться негде. Без особой какой-то надобности, просто из добропорядочности я начинаю её целовать. Целую в губы и вспоминаю, что одна коронка на зубе у меня старая, изо рта бывает плохой запах. Неудобняк. Из-за этого перехожу целовать шею и ниже. Она уже должна бы возбудиться, но как проверить? А главное, я-то сам совсем спокоен. Делаю доброе дело, как положено, и всё.

Тут атмосфера что ли такая, — все стремятся долю другого улучшить. Вот и про нас сразу узнали и решили вместе свести.

Но тут уже приходит понимание, что я теперь как бы должен на ней жениться, она этого ждёт, а ещё больше другие переживают.

И тогда я подумал: блин, я же женат. Я только подумал — а все уже как будто про это и раньше знали. Выходит теперь, что надо разводиться. А я этого не хочу. Чего же делать? Не хочется, чтобы было плохо. Но не выходит, сложная ситуация. Кому-то будет плохо. Ладно, пусть мне, только не другим. А если плохо мне, то разве будет хорошо другим? Замкнутый, блин, круг.

А надо, чтобы было всем хорошо. И все начинают делать вид, что всё хорошо. Ничего такого не случилось. Не надо никого ни на кого менять. Будет всё как есть. Так и будет. Главное, чтобы всем было приятно.

Не упомянул ещё один момент: у моей пассии есть сынок, похоже, что лет семи-восьми. Бегаёт везде, играет. А мне зачем-то нужно его сфотографировать. Вроде бы это она меня

попросила. Или у неё попросили фотографию, а она решила, что у меня это лучше получится. Но фотографирование всё время откладывается. То одно, то другое, и не суета, но какие-то неспешные дела. То все собираются за столом что-то отмечать. Собираются, но никак не соберутся. И никого это не будоражит, всё ведь хорошо.

Появляется другая женщина, её тоже все знают — она подруга моей молодухи. Она берет руководство в свои руки. Дает мне очень крутую, профессиональную фотокамеру. Здоровенный объектив. И ещё — вспышку на длинном штативе. Фотоаппарат надо одной рукой держать, а другой вспышку. Но не получается. Никак не могу приспособиться. И мальчишек двое уже, чьё-то дитё присоединилось, бегают туда-сюда. Мне как-то надо словить момент и оборудование не уронить.

И вот, припёр их в углу, а они спинами ко мне повернулись. Не уважили. Смотрю на них через объектив и замечаю: как-то быстро они выросли, уже не пацаны, а довольно рослые юноши. И куртки на них одинаковые, серого мышиного цвета. Навожу фотоаппарат и вижу на этих куртках бегающие красные точки лазерного прицела. Мне как-то стало не по себе. Неужто это камера такая крутая, с лазером для исключительной точности кадра? Чего-то я о таком раньше не слышал.

Но меня уже куда-то зовут. Готовится какое-то особенно торжественное застолье. Среди всех сожителей дома выделяется один мужчина, здоровый такой и представительный. Он по умолчанию пользуется авторитетом, хотя в чём его достоинства, мне совсем не известно. Он всегда в кресле, а тут я различаю, что он в кресле, похожем на самодвижущееся инвалидное. Это он, похоже, сейчас руководит. Наподобие кинорежиссёра. Даже как-то смахивает на Михалкова. А указания даёт совсем спокойно, не громогласно, может и вообще — телепатически.

Хоть никто ничего мне не говорил, но я уясняю, что мне нужно получить на верхнем этаже фильм, который будем просматривать. Наверх идёт лестница с эскалатором, а рядом стоит тележка, большущая, но необычно узкая. Для кинолент, что ли? Беру её и поднимаюсь. Мне надо будет забрать фильм и потом спуститься.

И тут я вдруг понимаю: да всё это — фильм! Я участвовал в его съёмках. Только в качестве кого? И в каких сюжетах? Кроме последних я уже других не помню. Большой фильм, раз придётся на тележке его везти. Что за просмотр ожидается, все что ли будут в просмотре участвовать? Я в кино никогда не работал и не знаю, как это всё проходит.

И ещё догоняю: это и не дом вовсе, это — павильон с декорациями для съёмок! Только или нет, или не видно хлопушки и камеры с оператором...

Может, это меня одного будут разбирать, мою, так сказать, роль? А потом разрешат жить с молодухой, как всем знаменитым артистам. Но мне это зачем? Кому от этого будет хорошо? Мне — не знаю. Ей — не думаю. О том, зачем это ей, вообще не думаю. Всем другим — сомневаюсь.

Странно как-то всё. О чувствах там каких-то и речи нет. И мыслей нет. Главное, чтобы было хорошо. Кому? Наверное, всем тем, кто живёт в этом доме. А как я туда попал? Кажись, не по своей воле.

А может, мне наверху остаться? Забрать свой фильм и слинять куда-нибудь ещё. А куда — не знаю. Желаний-то никаких нету.

02.09.2017

На асфальте пепел ляжет ровно

Я появляюсь в своём любимом городе на юге России. Не на самом юге, но южнее средней полосы.

Именно что появляюсь. Кто я, зачем появляюсь — это всё за кадром. Я же не буду себе объяснять, кто я такой и для чего тут болтаюсь.

Похоже, я просто наблюдаю, наблюдаю за тем, что передо мной. Но не за собой. Вроде бы меня как бы и нет. Но в то же время я иногда участвую, когда возникает сильный порыв что-то изменить. Но чаще — лень. Если что-то во мне есть, так это глаза и возникающие от увиденного мысли. То есть впечатления.

А чувства... Как-то не происходит ничего, что бы возбуждало чувства. Ничего, кроме сожаления. Потому что все мои благие порывы ничего не меняют. Однако, если есть порывы — значит, я всё-таки есть. А если без порывов — меня как бы нет, и это будет меня мучить. Я знаю.

И вот я оказываюсь возле молодых ребят. Я их откуда-то знаю, но не настолько, чтобы различать их по лицам и именам. И они меня знают, но никакого внимания мне не уделяют. Разве что из уважения, что ли, не посылают меня куда подальше.

Друг друга они знают хорошо, они дружат. Здоровые такие, рослые ребята. Хорошие вроде бы, не злые и бесхитростные. Они встретились во дворе школы. Школы, которой сейчас нет. И двора этого уже нет, там всё застроили.

Это я догнал уже потом. Вспомнил, что этот двор был в прошлом. Значит, и ребята эти из прошлого? Прошлое — это то, что раньше настоящего и ещё раньше будущего. А если всё сложить? От перемены мест слагаемых сумма не меняется.

А тогда я просто смотрел и слушал, как один из них говорил о том, что его тянет в мексиканские места. Ему туда очень нужно. Он язык будет учить и по любому пролезет туда, откуда его зашлют в Мексику.

Потом я пошёл с двумя парнями в дом, где они живут. Там — разваливающаяся хибара, обитая кусками старой, крашеной разными красками жести. Забор тоже из старой жести, некоторые листы плохо прибиты и болтаются. Кругом — жесь, только на земле грязь. Но необычная грязь. И всё вокруг какого-то необычного цвета. Серое и блёклое. Как будто посыпано всё пеплом. И грязь посыпана, она какая-то белёсая, а лужи — блестят ртутью.

Живут они с дедом, а для меня он — дядька. Но не родственник. Или может родственник, но очень дальний. У него юбилей. Мне надо поучаствовать в выборе подарка. Они собираются пригнать машину и ехать в магазин затариться, ну и заодно взять подарок. Я не хочу ждать машину, меня тянет пройти. И я пошёл задами по улице, по которой ходят только знающие эту улицу. Не все даже живущие в городе её знают. Она параллельна главной улице, весь променад — по главной, а по этой ходят только знающие.

И там я встречаю двоих мексиканцев! В чёрном пончо и чёрном сомбреро с широкими полями и высоченной тульей кумполом. Они похожи друг на друга, как две капли. Они радостно и возбуждённо о чём-то беседуют. И что-то из себя воображают, как без этого.

Смотрю, а это тот самый фанат всего мексиканского. Быстро же он преобразился, и ещё одного ведь прихватил! Прохожу мимо, приветствую.

Захожу в магазин, а ребята уже там, смотрят подарки. Магазин странный какой-то, скорее это выставка-продажа каких-то кустарных поделок из глины весьма сомнительного качества. Разные фигурки типа кошечек, посуда, вазы, сундуки и столики. Все одного вида и одинаковой отделки, украшены мелкой мозаикой зеленоватого цвета.

Ребята выбирают, крутят в руках то одно, то другое. Я хочу им сказать, что это полный отстой, но соображаю, что другого магазина просто нет. Хочу посоветовать, что взять, но понимаю, что они не станут меня слушать.

И они выбирают большую вазу. С такой же крупной мозаикой. Такую, какая и даром никому не нужна. Грубо сработана, кривая.

А сам-то я почему не могу выбрать и что-то подарить? Ага, я же только наблюдаю... Но когда мы возвращаемся в тот же дом, дед мне рассказывает, как тяжело жить. Не то чтобы тяжело, а неумоготу.

Значит, я проявляюсь, как обычный человек? Может, это только для него? И я ему сочувствую, но зачем-то говорю о том, что нельзя вот так опускаться. Я говорю о беспорядке, о грязи, о жести. У тебя, мол, ребята есть, тебе помогут, если уж так всё плохо и всё не так.

А он мне: ты что, не видишь, что творится? Кому это всё сейчас надо? А ребята пусть потешатся, пока не пришёл полный... Ну этот, вы понимаете...

За болтающейся и гремящей на ветру жестью кипит работа. Ребята тащат шланг с большим красным раструбом от установки для пенотушения. Возле сопла вставлена дымовая пашка. Затейливо придумано. Вместо воды по шлангу дунут воздух — и будет много дыма. Ветра нет и всё будет в дыму. А этот дым будут подсвечивать прожекторами. Я не знаю, где прожекторы, но знаю, что будут! И представляю, как это будет прикольно. А потом ещё фейерверк! А как же без фейерверка!

В небе — светящийся туман или дым. Букеты и брызги сверкающих искр. Вспыхивают и гаснут отблески в множестве маленьких луж между бугорками грязи. По бокам — лоскуты болтающейся жести на заборе. За забором — темнота. И сыпется пепел.

И это — ещё не полный...?! Ну этот, вы понимаете...

Ещё не полный. Есть шанс всё закатать щебёнкой, пропитанной битумом. На этом, типа, асфальте пепел ляжет ровно.

13.09.2017

Блаженство предвкушения перед обломом

Я в трепетном предвкушении. Я получил книгу, которую долго ждал. Книгу, которая ответит на все мои вопросы.

Эти вопросы не дают спокойно жить. Они будоражат, вызывают ощущение тревоги. Нагнетают страх и жалость к себе, да ещё жалость к другим, правда, не ко всем.

Мне теперь ничего не надо — только бы быстрее прочитать. И я узнаю всё!

Только по-быстрому не получится. Требуется время. Надо раскрывать то, что зашифровано простыми буквами в обычных словах. А из слов должен сложиться смысл всего! Какой это будет приятный процесс, я уже предчувствую, и всё во мне дрожит...

Я искал эту книгу, я за ней охотился. Сколько раз казалось — вот, нашёл! Но каждый раз было не то, не складывался смысл всего. А теперь вот предчувствую — сложится! Это та книга. Она не из магазина. Её мне ПЕРЕДАЛИ.

Но мне не дают читать! Я — в училище, занятия по расписанию. После занятий всё время кто-то мешает, кто-то постоянно рядом. В моей комнате со мной живут другие. Нормальные ребята, но у них на уме другое.

Я освобождаюсь от каких-то занятий, отказываюсь от каких-то спортивных тренировок. И вот наконец все разъезжаются. Будет несколько дней, когда я останусь один, и никто не будет мне мешать наполняться. Это очень радует! Я уже в предвкушении: вот сейчас я возьму книгу, прилягу на койку...

И тут приходит начальник курса. И начинает увещевать: у тебя же способности, у тебя есть перспективы. Можешь занять место на соревнованиях, а ты от них отказался. И занимаешься всякой хе... ерундой. Ты думай, что тебе в службе и карьере пригодится!

Я молчу. Жду, когда выговорится и уйдёт.

И тут прибегает мой однокурсник, тот, который всегда опаздывает. И сейчас не успел вместе со всеми. Начинает бросать в сумку свои вещи. Начальник уходит. А следом за ним бежит этот разгильдяй, теперь он опаздывает к чему-то другому.

Смотрю — остались чьи-то грязные махровые халаты. Два одинаковых и одинаково грязных. Они висят на дверце стенного шкафа, в десятки слоёв крашеной казёнными белилами. Грязные халаты меня раздражают, но я брезгую их убрать.

Может погулять, подышать свежим воздухом? Нет, пусть погода станет плохой и идёт дождь!

Купить же надо чего-нибудь поесть? Нет, всё потом! Пропитание не волнует. Мне другое надо!

Чтобы ничего больше не мешало, я закрываю дверь комнаты и задёргиваю шторы. Шторы чёрно-синие и очень плотные. Такие нужны для светомаскировки. И сразу становится темно. Придётся включить свет.

Я ищу выключатель и вдруг понимаю, что всё напрасно. Я не получу ответа на вопросы. Потому что никаких вопросов больше нет! Я от всего освободился: от занятий, соревнований, сожителей. От воздуха и от света тоже освободился. Ничего, что вызывало вопросы, уже нет.

А ещё я понял, что из слов складывается только то, что уже и было, и есть. Слова могут лишь приоткрыть, пусть даже открыть один вариант из множества. Но всё остальное — в жизни и через проживание-переживание. Смысл — он не складывается в книги. Он не подлежит складированию и хранению.

В книге могут быть только подсказки. Таких книг, в которых есть подсказки, совсем мало. И есть ещё проблема: умом они не воспринимаются. Они проникают — или не проникают. Через вызываемые ощущения. Чаще всего — через жопу, то есть через битиЁ. Для проникновения другим способом требуется другой канал. Или такая волна, которая проникает.

И что, я всё это понял в тёмной комнате без света? Прямо тем самым предвкушающим умом? Нет. Ум только расстроился. А как и откуда?

Ну, так это... немного пожил. Без жизни не поймёшь ничего.

25.09.2017

Дежурство с отделкой под руководством Самого

Сегодня у меня дежурство. Дежурство не рядовое, а из ряда вон. Праздничное. Большой хороший праздник — новый год.

Сменить я должен Владимира Владимировича. Того самого. Но надо понимать, не сейчас... Значит, это не совсем он, а уже прошедший.

Мы выходим дежурить небольшой бригадой. Объектов много, и везде требуется уследить.

Собираемся возле дежурки. Стучусь в дверь — не открывают. Ясное дело — спят! Мне предлагают тревожную кнопку нажать, так, для смеха. Шуму будет!

Но я говорю: нельзя. Владимир Владимирович этого не оценит. А может, и осудит. Он последнее время с большим рвением служит. Поэтому и устаёт. От усталости тянет поспать. С кем не бывает.

Заглядываю в окошко, а оно запотевшее изнутри. Ничего не видно. Но раз запотело — значит все живые. Только спят.

А пока они там спят, впору затариться. Праздник-то какой! Вечером полагается посидеть, старый год проводить, а новый встретить. Это знают все. Типа, новый год, новая жизнь, новое счастье... Хотя всё остаётся старое, и это тоже все знают. Но хочется же — нового!

И только мы всё прикупленное занесли в кладовочку и дверь прикрыли, как в сторожке начался шум, телефоны зазвонили, мониторы замелькали. Вышел Владимир Владимирович и говорит: вы тут дежурьте, а я буду тут работать. Мне поручено руководить другими делами — отделочными. Важнее этих дел сейчас нет.

Ну, думаю, кем только не пришлось под его началом побывать, а теперь вот — отделочником! Хорошо, что пока на дежурстве, а после дежурства ещё и отдых положен. После этого только стану отделочником. Кого отделать?

— Не кого, а что. Стену вот построили, и надо её отделать наилучшим образом. Профессионально.

Я смотрю — что-то пока всё коряво. Человек пять таджиков, один раствор месит, остальные мастерками работают: кидают и размазывают. И всё как-то неровно, раствор бугорками застывает, затирать не успевают. Стена грандиозная и очень высокая. Между бугорками потом ещё кидают, вроде как ровнее получается, но только в некоторых местах. Всё остальное — обляпано. А они всё это должны выровнять. Но не получится ведь с такими работниками, ну никак!

Говорю: праздник же, может, уже отметим? У нас есть чем.

— Так, а где есть?

— Да вон — в кладовочке!

— Так, коллеги, кладовку — закрыть! До тех пор, пока всё не сделаем. Вам бы всё праздновать!

Да, недооценили мы важность дела. Погорячились. Придётся теперь помогать, иначе гавкнут медным тазом все наши приготовления с отменами. Чем заняться? Месить, кидать, размазывать или затирать? Придётся пробовать, что лучше получится.

Но тут вижу — а запертая дверь кладовки уже приоткрыта! Как пить дать, уже кто-то крысятничает! Но опасаясь туда заходить. Ну его на фиг. Мало ли что.

Иду к Владимиру Владимировичу, а он уже и сам работает — размазывает и затирает. И хорошо у него это получается! Говорит: вот людей нет! Званных и посланных много, а работников нет.

Не знаю, говорю, кто, — званные, посланные, или работнички, — уже вон заготовленное тырят!

А он: они за это поплатятся!

Как я понимаю, Бог их накажет. Бог накажет, а свинья всё съест. Минуточку, а если Бог не накажет — свинья не съест? Съест всё равно. Значит, свинья поплатится, когда из неё хамон или карбонат будут делать.

Не собирался я возражать, но всё-таки заикнулся: что за срочность? Впереди — праздники, глаза у всех уже залиты, кто чего смотреть будет?

А он мне показывает на дом, который через дорогу. Посередине дороги — красивая аллея, с деревцами. Дом весь такой монументальный, из монументальной эпохи. Фасад его, этажа так до четвёртого-пятого, отделан панелями. Вот, говорит, — эту стенку надо так же отделать, чтобы не было разницы. Не должно отличаться то, что справа этой столбовой дороги от того, что слева.

Я говорю: так это же навесные панели, под них и не надо стену так тщательно равнять!

А он: а ты глаза пошире раскрой!

Надеваю очки, которых раньше не одевал, вижу: да, не панели это! Похоже издалека на панели, а если приглядеться — это лепка, выложенная мелкой мозаикой. Мозаика блестит и отсветами подмигивает. Красиво. И солидно.

И такое он хочет сейчас вот, с этими вот, сваять?! Ну, вот тебе и новый год! С празднованием — жопа. Когда теперь отмечать, после дежурства что ли? В выходной день да ещё после дежурства оставаться, чтобы с мужиками отметить-посидеть?

Не добро жалко, если оно там, в кладовке, осталось. Хочется ведь, чтобы душевно. Развернуть заплеснувшую душу. Высказать, что наболело, и поговорить. Пусть и ни о чём, но по душам.

26.09.2017

Массовое предательство

Что я здесь делаю?! Как я здесь оказался?!

Здесь везде знакомые мне люди, но я не знаю, кто они. Есть и незнакомые, и их я тоже не знаю. И как-то нет разницы между знакомыми и незнакомыми. Ведь всё равно не знаю, кто они.

И нечего удивляться. Я вот родственников своих всех знаю, а встречу — не всех узнаю. Знать и узнать как-то не всегда соприкасаются.

Все мы вроде как в подвале какого-то огромного старого замка. Полукруглые каменные своды, где высокие, а где прямо нависающие над головой.

Один низкий свод хорошо освещён, он бледно-абрикосового цвета. Под ним стоят люди, человек пять, у них на головах надеты мешки. Кто они, я не знаю. То есть, может и знаю, но я же лиц их не вижу. По умолчанию известно, что их сейчас будут казнить. А я должен смотреть. И не только смотреть, я должен с этим согласиться. Я должен это принять, и не должен возражать.

А я внутри не принимаю и не соглашаюсь, но молчу. Потому что знаю. Если скажу, что я против, то мне тоже наденут на голову мешок и поставят рядом. А те, кого я знаю, и те, кто меня знает, будут молчать.

И я молчу. Только незаметно отворачиваю голову, чтобы на это не смотреть. Мне не хочется видеть. А как только представилась возможность незаметно отойти, я ухожу. Я так и не увидел, как их казнили. Может, головы рубили. Или расстреливали. Или удушили. Мне, конечно, интересно, но я не хочу этого знать. Зачем? Результат ведь один.

Я хожу под сводами и не знаю, куда идти. Снова смотрю — стоят с мешками на головах, а вокруг люди. Люди уже другие, и своды другие, с голубой подсветкой. Я тут никого не знаю. И они на меня не обращают никакого внимания. Слушают такого эпатажного мужичка, жёлто-рыжего с чубом. Он очень пафосно выступает, кого-то клеймит. На карточного шулера похож, но не наш рыжий бестия.

И я начинаю понимать, что тут другой суд. Тут не те, кто за, казнят тех, кто против, а те, кто против будут казнить тех, кто за. И я должен согласиться с тем, что нужно быть против, а если по-другому — мешок на голову. Или достаточно будет просто молчать?

Очень хреново на душе-то. Я предаю одних своих, чтобы другие свои были довольны. Я предаю чужих, чтобы другие чужие были довольны. Куда ни крутаться — везде лучше молчать.

И как же быть? Я ж знаю, что среди тех, кто за, есть много тех, кто против. И среди тех, кто против, есть те, кто за. Значит, все, поголовно все — притворяются?!

Но не только ведь я знаю. И другие — знают. Все знают, что все притворяются. И всех ведь можно понять — все жить хотят. Ценой жизни тех, кого казнят.

Может, лучше примем еврейскую традицию агнцев резать и жечь? Чтобы своих хотя бы не резать? Но ведь это не спасло тех, кто чужой евреям, да и их самих — тоже.

И тут я узнаю. Откуда узнаю, не спрашивайте, — сам не знаю. Если под сводами борьбы с несогласными не находят несогласных, то их назначают. Всё равно нужно вывести человек пять, с мешками на головах. А если под сводами борьбы с согласными не выявляют на всё согласных, то поставят своих, несогласных. А чтобы не видно было, что свои — мешок на голову.

Когда мешок на голове — кто разберёт, согласная там голова или несогласная? А хоть кто и разберёт — всё равно лучше молчать. Все молчат.

Я всё-таки увидел своды, под которыми никого не было. Но там было всё засрано. Только сами своды были чистые, с побелкой, с подсветкой. Сводь трудно засрать, можно только вымазать. А потом замазать. Но если останешься под такими чистыми сводами, то всё равно будешь в говне.

27.09.2017

Комментарий читателя:

Очень глубоко! Страшный сон, без света в конце туннеля. Соответствует моему видению мира, когда каждый ждёт манны небесной от кого-то из вне, а свою роль Сотворца потерял. Мир — зеркало, в котором мы видим себя и мало кто знает, что всё лишь творение нашего ума.

Мне видится здесь наш мир, наполненный людьми, которые ничего не знают и от этого мучаются в своём выборе. Есть, однако небольшая часть людей, думающих, что всё знают и они вершат суды, хотя понятно, что они тоже ничего не знают.

Замечательно! Всех благ, протоиерей Пётр Шубин

Оголение

Когда пришла мысль всё это записать, я её отверг. Глупости записывать — к чему? А потом решил: да даже если ни к чему — пусть будет. Даже если глупость — глупость кормить или удобрять не надо, она и так разрастается.

Собрались мы что-то отметить. Что — не припомню. Мало ли поводов собраться одноклассникам?

Вообще-то мало. Даже у тех одноклассников, у которых поводы всегда есть.

Главное чудо в том, что собрались. При этом не где-нибудь, а за городом. Вдали от суеты, в большом каком-то деревянном доме, похожем на заброшенный сарай. Но внутри оказалось вполне комфортно. Был стол и удобные скамейки со спинками. Если скамейки без спинок, то с непривычки можно и упасть — прям на спину. А на этих можно и откинуться.

Но вот для душевного застолья как-то ничего серьёзного не предусмотрели. Примечательно то, что никто по этому поводу ни сожалений, ни упреков не высказал. Наверное, многим предельно надоело всё предусмотренное.

И естественным образом, раз сидеть не с чем, пришла идея: пойти погулять. Хорошая идея, ведь вокруг — природа. Даже в маленьком оконце виден лес и виден мостик, — значит, там и речка есть. К воде всегда тянет, даже когда её не видно.

Но тут оказалось, что надо раздеваться. Не в воду чтобы лезть. Для того чтобы пойти погулять надо раздеваться! Совсем! Догола!

К этому положительно отнеслись, судя по результату, только трое: Мишка, Танька и я. Положили на все условности. И никакой тут эротики! И никакого нудизма! Потому как возраст — уже пенсионный. Отработали своё. Но прониклись идеей единения с природой. Оголиться до непорочности! Или от беспорочности? С таким грузом всякого разного прожитого и пережитого это даже не смешно.

Выходим, значит. Большой двор. Дорога ведёт к тому самому мостику из старых, потемневших и посеревших брёвен и досок.

Я по дороге не пошёл, а присел на край деревянного колодца из таких же старых брёвен. Колодец был с воротом и цепью, но без ведра. Не достать колодезной водицы. А она там есть, поблёскивает.

Потом смотрю, где Мишка и Танька, вижу — вон вроде они! А не признаю! Они же — помолодели! Танька — девчонка совсем, лет шестнадцати-семнадцати. Примерно такая, как на выпускном. Мишка — тоже пацан ещё. Хотя, почему «ещё»? Получается, «уже»?

Они к мостку шли, а потом остановились. Я, понятно, больше на Таньку смотрю. Она для меня как-то выделяется. Умилительная и трогательная картинка. Сама по себе, а не потому, что молодые и голые выглядят приятнее, чем хоть какие старые.

А сам себя я только ощущаю, но не вижу. Ощущаю, что тоже голый, но не вижу. Голый — не голый, старый — молодой, — мне по барабану. Я наблюдаю и не участвую.

И тут закапал дождик. А потом полетели жёлтые листья. Осень. А они стоят лицом друг к другу.

Интересно, а я для них теперь существую? Или остался в прошлом? Или — в будущем? И что вообще осталось, кроме них, дождя и осени?

На самом деле я ни на одной встрече одноклассников не был. Гастролировал весьма далеко, долго и всерьёз.

А когда я Таньку с Мишкой видел-то? Да сразу после выпускного, наутро. Потом не встречался и не видел.

И всё на этом. И — к чему всё это?!

Голыми мы в мир приходим, голыми будем уходить?

На природу надо выходить без ничего? Тогда замолодеем? Или молодыми войдём в осень? А если это — чтобы уйти от надоевшего и предусмотренного?

А если тут важен наблюдатель? Наблюдатель есть наблюдатель, и одетый, и голый, и старый, и молодой? Не скажи — молодым наблюдателем быть почти невозможно... Хотя, наблюдать — хорошо. Но хорошо это или нет — не знаю.

И не знаю, зачем находить в этом что-то? Зачем и что находить, если я хоть и оголился, но в этом не участвую?

Чего не померещится — во сне-то? Но имена я всё же заменил. И если какие совпадения — они случайны. Во избежание узких толкований.

13.10.2017

Доверие только у собак

Пришёл я в отдел, в который меня направили работать. Этот отдел славится на всю региональную контору тем, что он расположился в старинном доме, в котором в годы войны было гестапо. Поднимаюсь по скрипучим ступеням деревянной лестницы. Похоже, что дубовой.

Меня встречает Юра С., с которым мы когда-то немало чаю выпили. И он меня с ходу, прямо на верхней ступеньке лестницы, ошарашивает тем, что в нашей работе всё изменилось. Теперь ценность сотрудника определяется не количеством предоставленных справок и сообщений. Ценность определяется видом открытой ему визы.

А я уже знаю, какие сложности теперь при оформлении виз. В разных странах для открытия визы требуются разные лицензии. Вот в Конго, например, требуют лицензию на совершение таможенных операций. В Мозамбике — визу не откроют без лицензии на вырубку джунглей.

А я туда и не хочу. Но с тревогой осознаю, что у меня уже начинаются трудности. А может, вообще — препятствия.

Потому что лицензия записывается на чип, который вставляется в зуб как пломба. Только цвет у такой пломбы светло-коричневый. Малюсенькая такая штучка с утолщённой головкой.

Перед приёмом на новую работу мне надо было все свои натуральные зубы заменить на искусственные имплантаты. Ведь в родных зубах содержится информация, которая приведёт к неизбежному провалу с разоблачением. По зубам можно определить, где и когда родился, чем занимался и из каких закровов питался, открывал ли зубами пробки бутылок. Да всё почти можно определить! Только зубы свои показал — и всё, слился!

А я пожалел свои «восьмёрки», как-то связанные с запасом мудрости. Их у меня три осталось, ну и решил — может ещё когда пригодятся. Негодились. Да ещё думал, что сэкономлю. Не сэкономил, разницу всё равно пропили вместе с зубарем.

И недавно ещё один зуб из своих, потревоженный профессиональным вмешательством, треснул и впал в состояние кариеса. Я сначала расстроился, а потом обрадовался: можно использовать, чтобы лицензии как пломбочки менять. Но теперь в нём и пломба с лицензией не удержится, вывалится. И проблемы могут возникнуть. Пожжёшь чего-нибудь твёрдого или липнущего — и выпадет! А без жевания — пока никак. Всё жидкое вылезет... или вытечет? Не поверят, что просто бзик. Сразу — в инфекционку.

Приходят потом ребята. Я их всех знаю. Одни просторы бороздили. Одними и теми же канавами ползали. Ну и рассказал о своей проблеме. Они, конечно, поморщились. Я и сам понимаю — надо от зубовных проблем уходить самому, без посторонней помощи. Но они на этот раз вошли в моё наклонённое положение. Ничего, говорят, что-нибудь придумаем. Всё равно тебя ведь никуда конкретно ещё не посылают. Начальство не любит торопиться. Пока взвесят, потом только решат. На рыбалке обсудим!

На какой ещё рыбалке?! Нет, понятно, что рыбалка — это РЫБАЛКА, но...

А они: делов-то, берёшь пару литров и летим — в Крым!

Ну ни фигя себе, как это — в Крым?! Из города Л за Полярным кругом — туда, где яблоки?

Они посмеиваются: да наши сейчас везде туда-сюда летают! А в Крым — так каждый день! Ну, кроме воскресенья.

Как и на чём мы в Крым прилетели — хошь убей, не вспомню. Был уже хороший. И хорошо, наверное, долетели. Вижу — вода! Там, где воды нет — берег.

Только на море как-то не похоже. Похоже на раздольное озеро. Мужики моего недоумения не понимают. Ну и что, что не похоже? Мы же на рыбалке. А в море сейчас ловить нечего. Ловят сейчас там, где разводят и подкармливают.

Залюбовался я на водные просторы. Удивительная вещь — вода. Вода, вода, кругом вода. По ней не определишь, где кого разводят и подкармливают.

И тут замечаю, что вода начинает мёрзнуть. А замёрзшая вода — это лёд. И замерзает она не сразу и не везде. Где лёд, где полынья. И снова — там лёд, а тут — полынья.

Ну, и как тут рыбачить? А главное — чем? У меня ничего нет, а все куда-то пропали. Они всё знают, а я ничего не знаю. Смотрю только и вижу то, что видится. Получается, что чего-то не вижу: того, что не видится.

Ну, и куда все подевались-то? Ни своих рыбаков нет, ни чужих. А потом увиделся мне бетонный мост, за его высоким пролётом — ледяное поле с вагончиком посередине. Чувствую — все там! В тепле. Пьют уже, наверное. Да не наверное, точно — пьют!

Иду туда. На льду много уже снега и не скользко идти. Я даже попрыгал — крепкий лёд! И с чего всё замёрзло, ведь мороза нет. Я в какой одежде был на работе — в такой и остался, мне не холодно.

На подходе к вагончику слышу собачий лай. И — вот они, — несутся! На то и собаки, чтобы появиться и обляять. Хотя бывают и такие, что кидаются рвать. Но зачем такие тут? Наши сами грелки руками рвут!

Я ложусь на какую-то жёрдочку лицом вниз. Собаки этого не ждут, это их успокаивает. Ко мне подбегает одна собачка, за ней — другая. Смотрю — а они молоденькие совсем, почти щенки. Я их погладил, а они хвостами завиляли.

Они тоже — неприкаянные. Наклоняюсь к ним — нос к носу. Вижу умные и верные собачьи глаза. Собачки-то не мои, а добрые и доверчивые к тому, кто без зла!

А которые мои? Нет таких!

И я ни на кого не злюсь, и никто злой мне сейчас не нужен. Собачки рады живому и доброму. И я готов радоваться живому и доброму.

Доверять бы ещё.

14.10.2017

Стабилизация нестабильности

Нравится мне один старый советский фильм, в котором положительный герой, обиженный горьким жизненным обстоятельством, пьёт, как и положено, горькую. И когда второй положительный герой приходит, чтобы вывести его из запоя, то первым звучит вопрос:

— И что в мире творится?

— Стабильности нет! — получает он ответ с завидной осведомлённостью.

К чему это я? Ах ты, мне же наконец предложили заняться серьёзным делом! Давно у меня серьёзного дела не было. И теперь — появилось, и не просто серьёзное, — глобальной важности! Я горд и счастлив!

Началось с того, что меня вновь позвала наука. Которую я когда-то послал. Со стороны это выглядело так, будто это она меня послала. А вот сейчас пришла мысль о том, что я и наука это сделали одновременно! И достигли консенсуса, восстановив друг у друга стабильность.

И вот ведь как: оказалось, что теперь нам с наукой предстоит ни много ни мало, а спасти человечество! Ведь наш шарик очень нестабилен. Несмотря на то, что всё так же крутится и вертится, он вот-вот перевернётся, сместив свою земную ось! И скинет на хрен всю эту рухлядь вместе с её созидателями, и тогда снова вернётся к стабильности.

А наша, российская наука, потихоньку так, как всегда — втихаря, взяла и определила точку нестабильности. Макушку, так сказать, земной оси. Если в этой точке снять образовавшееся напряжение, то шарик застабилизируется. Думает он медленно, и за наш век не найдёт из стабильности нового выхода.

Само собой, возбуждённо встал вопрос: как это напряжение снять? Ответ быстро предложили военно-морские научные силы. Быстрее всех, потому что точка нестабильности оказалась на острове где-то между Баренцевым и Карским морями, в самой Арктике. И ответ сразу приняли за основу. Кому же ещё охота туда плыть, как не военморам? Ребята всесторонне развитые и готовые и плыть, и выгребать, и рыть. Несмотря на возникающие трудности как полярных, так и экваториальных широт, а долгота — так вообще для них значения не имеет. Ни как есть, ни в градусах.

Скоренько так на пароходик загрузились, даже отметить это толком не успели и — вперёд! Операция, само собой, строго секретная, как и всё на флоте. Даже не «Сов. секретно», а — «Особой важности»! Для важности могли бы и получше пароходик отрядить, а посадили на типа сейнер, чуть побольше буксира. Хотя был бы траулер — было бы веселее, с рыбой-то.

Высадились на остров. Обычный северный остров. Облизанные всеми стихиями и обосранные бакланами каменные глыбы. В их пролежнях — мох и карликовые кустики, за которыми только баклан и спрячется. Совсем маленький остров, с самой высокой сопки берега видны. И никаких здесь нет признаков напряжённости. Ничего не трещит и не колеблется. Может, ошиблись учёные? Или так всё, — для прикола? И такое было, а как без этого! Раньше ордена или медалики прикалывали, сейчас — накалывают и бюджеты пият.

Но у нас — миссия. Никаких сомнений быть не должно! И не будет! И уже нет! Потому что именно мне поручен околопсихологический колебательный фактор. Нужно предотвратить любые колебания! А если потребуется — то их вызвать!

Меня уговаривали. А мне нравится, когда меня уговаривают. Сам уговаривать не люблю, разве только себя самого. Но — приходилось, и это теперь пригодилось.

Приступаем к работе. Все готовы извлечь и использовать целиком свои знания и опыт. Все бодры и бодро шутят на серьёзные темы. Ведь за нашими спинами — наши родные, и всё прогрессивное человечество, оттягивающееся по полной и ничего не слышащее о страшной опасности.

В нашей сплочённой группе человек семь-восемь опытных специалистов. Лебёдкой выгружают... аппаратуру? Нет — арматуру! Специальную арматуру. Нанотехнологии были применены, как и для чего — нам неизвестно.

Знает только наш руководитель, седой и боевой, и очень шустрый, молодецкого вида и полный уверенности в себе военный учёный. Он ставит нам задачу: забивать эту арматуру по всему острову. И объясняет технологию забивки.

Забивать надо в глубину на всю длину. И не тупо в скалу, потому что в скалу не ползет. А в расщелины, в промежутки или трещины.

Чтобы попадать куда надо, — вот для этого будет аппаратура. С ней работает единственный среди нас «гражданский шпак», с виду — ботаник. Но принимает для согрева не меньше других.

Пробуем. Специальная установка, смахивающая на большой гранатомёт, не вбивает, а вдавливают арматуру. Но она ещё торчит на метр. Нужно её добить, чтобы выступала не больше, чем на полметра. Стучу молотком — не идёт. Бью сильнее — начинает гнуться! А это брак. Руководитель недоволен — будет искажение! Чего искажение-то? Непонятно.

Предлагаю колпак. Сварить металлический колпак из трубы длиной полметра, одевать на арматуру и стучать по нему — она не будет гнуться. А кто варить будет? Кое-как нашли на пароходе трубу, парочку колпаков сварили. Больше труб нету. Добиваем, как кто и во что горазд. Рядом со мной коренастый военный приспособился орудовать кувалдой, говорит, что если ею бить плашмя, то арматура не гнётся.

Надо торопиться! Время уже близко — говорит руководитель. Но глаза ещё весёлые, значит, время ещё есть. Берусь с усердием ещё одну арматуру добивать, а уже и молотка нет! Хватаю камень, стучу — гнётся, су-у-у... И тут — вой какой-то. Или стон? Башка вибрирует и мозги вскипают.

Разум кипит? Возмущённый? Нет, это арматура вбитая так гудит и стонет! И я понимаю: она работает как динамик, а стонет и гудит — земля! Весь наш шарик! Трясусь весь, мурашки по коже, ужас накрывает, как ледяной туман. Все, кто где стоял, там так и сели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.